

КОНЦЕПТ 'НАУКА И ИСКУССТВО' В ХУДОЖЕСТВЕННО-ДИСКУРСИОННОМ ПОЛЕ КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Вероника Павловна ГРЕДЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48
E-mail: nikas16@yandex.ru

Аннотация. Исследование, проведенное в аспекте дискурсионного подхода к художественному тексту – роману Е.И. Замятина «Мы», посвящено теме «наука и искусство», с целью демонстрации в Едином Государстве некой заинтересованности в научных достижениях при отсутствии заинтересованности в искусстве с его мощной творческой энергетикой. Развита идея о процессуальной значимости концепта 'ИСКУССТВО' в его особой форме 'НАУКА И ИСКУССТВО'. Роман Е.И. Замятина «Мы» трактуется как своеобразный художественный сплав собственно автора и вымышленного соавтора Д-503. Для первого «Мы» – космос, для второго «мы» – нумера Единого Государства. Роман становится своеобразной семиотической знаковой структурой, которая заключается в воссоединении двух создателей: живущего писателя (Е.И. Замятина) и сотворенного им повествователя Д-503. Именно между реальным и воображаемым автором на протяжении всего романа создается ментально-коммуникативная связь. Проблема же внутренней связи между автором и повествователем (Д-503) органично соотнесена с модусом текста по трактовке знаменитого швейцарского филолога Ш. Балли. Замятинское «Мы» особо отмечает объединение науки и 'ИСКУССТВА' за счет 'ТВОРЧЕСКОГО' начала, присущего тому и другому как неумной потребности гносеологической природы человека.

Ключевые слова: Е.И. Замятин; концепт; 'НАУКА И ИСКУССТВО', 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'; 'ПУШКИН'; модус; эпизод художественного произведения

Пушкин – наше все.

Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина [1].

Пушкин – наше ничто.

Парамонов Б.М. Пушкин – наше ничто [2].

Создатель романа «Мы» предстает, на наш взгляд, в двух ипостасях: с одной стороны, с идеей космического концепта¹ «Мы» Е.И. Замятина, с другой – с идеей «мы» – нумера Д-503. Именно между реальным автором и воображаемым соавтором на протяжении всего произведения имеется ментально-коммуникативная связь. «Мы» писателя Е.И. Замятина – обитатели Вселенной, космоса, «мы» повествователя Д-503 – нумера, одним из которых и является создатель конспектов – жалкое подобие рода человеческого, с претензией на космическое распространение

¹ Концепт, следуя определению Ю.Д. Чернейко, «включает в себя понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова – и денотативное, и коннотативное, отражающее представление носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым в многообразии его ассоциативных связей» [3, с. 75].

своего произведения. По словам Е.В. Падучевой, повествователь «может быть своего рода маской реального автора» [4, с. 39-40]. Роман «Мы» становится своеобразной семиотической знаковой структурой, которая заключается в воссоединении двух создателей: живущего писателя (Е.И. Замятина) и сотворенного им повествователя Д-503². Это способствовало определению общей семантики романа, которая многократно трактовалась как антиутопия.

1. Одно из устоявшихся суждений о романе «Мы» можно выразить словами самого Е.И. Замятина – предупреждение «об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства» [6, с. 257]. Общество Единого Государства демонстрирует вариант развития цивилизации, где люди (нумера) полностью поработаны Государством, которое превращает человека в винтик огромной государственной машины. Не имея возмож-

² М.А. Хатямова предлагает рассматривать роман Е.И. Замятина «Мы» как метароман [5, с. 136].

ности выбора, номера следуют всем продиктованным сверху распоряжениям, теряя при этом собственную личность и, как следствие, душу. В этом обществе живущему не нужно думать о будущем, все проблемы номеров решает Государство (образование, профессиональная реализация, искусство, религия, и т. д.). Для этого созданы Научное Бюро, Бюро Хранителей, Музыкальный Завод, Институт Государственных Поэтов и Писателей, Операционное, Медицинское Бюро и др. Распорядок их дня и личное время, сокращенное до минимума, полностью регулируются Часовой Скрижалью Единого Государства, не допускающей личного пространства. Создавая роман «Мы», Е.И. Замятин с тревогой предвидел, что человечество в будущем может столкнуться с ограничением личной свободы. По мнению В.Г. Шпак, в Советском Союзе это легко обнаружить в сопоставлениях: «Зеленая Стена – «Железный Занавес», Бюро Хранителей – НКВД, власть Благодетеля – тоталитарное правление И.В. Сталина, Часовая Скрижаль – «Краткий курс истории ВКП(б)» [7, с. 145]. Прибавим к этому сопоставлению В.Г. Шпак общую оценку культа вождя советского писателя А. Крона: «Культом порождает иерархию служителей культа – божеству нужны святители и угодники. Культа несовместим с критикой, самая здоровая критика легко превращается в ересь и кощунство» [8, с. 780].

Однако в Едином Государстве как будто не забывают о научных достижениях. Неслучайно в записках Д-503 есть упоминание имен ученых прошлого, некоторых терминов из области математики и физики, особенно в связи с этим выделяется имя Тейлора³. Как заметил Л. Геллер, теория Ф.У. Тейлора нашла свое отражение на страницах романа «Мы». Идея Ф.У. Тейлора об управлении рабочими во многом способствовала экономическим успехам Г. Форда в начале XX века, а также нашла свое отражение в научной организации труда СССР [9, с. 551].

³ Как пишет Дж. Куртис, Б. Тейлор, математик XVIII века, занимался исследованием дифференциальных и интегральных вычислений, что стало основой математически совершенной системы Единого Государства Е.И. Замятина, а также идеологического оружия номеров – космического корабля «Интеграл» [9, с. 551].

Тейлоризм – для Единого Государства главное научное достижение. Оно воплотилось в романе в концепте 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'⁴. Уже само название «Скрижаль» имеет глубокий символический смысл. «Скрижалями завета» (или заповедями) назывались 2 каменные плиты, будто бы начертанные самим Богом и переданные им Моисею на горе Синай [11, с. 158]. В Едином Государстве Божеством становится Благодетель, **Новым Заветом** – 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'. Метод Тейлора воспринимается как новое религиозное учение, а Тейлор оценивается как новый пророк: *Да, этот Тэйлор был, несомненно, гениальнейшим из древних. Правда, он не додумался до того, чтобы распространить свой метод на всю жизнь, на каждый шаг, на круглые сутки – он не сумел проинтегрировать своей системы от часу до 24. Но все же как они могли писать целые библиотеки о каком-нибудь там Канте – и едва замечать Тэйлора – этого пророка, сумевшего заглянуть на десять веков вперед* (Замятин Е.И. Мы.⁵). В Едином Государстве становится новое понятие, как правило, в форме словосочетания с определением, образованным от имени Тейлора: «зал **Тэйлоровских** экзерсисов», «**тэйлоризованное** счастье» – повествователь⁶ полагает, что счастливыми могут быть лишь номера, следующие рассчитанному математически расписанию, дающему право получить шторы, закрывающие окна (Замятин Е.И. Мы). Наука господствует над всеми сферами человечества, в том числе и над 'ИСКУССТВОМ'⁷. Примечательно, что само зарождение Единого

⁴ Н.Н. Фигуровский предполагает, что в «предках» Часовой Скрижали были произведения Т. Мора и «Таблица времяпрепровождения» Ш. Фурье [10, с. 21].

⁵ URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml.

⁶ Как пишет Е.В. Падучева, «именно повествователь является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель. Он же становится центром той системы пространственно-временных координат, которая необходима для приведения в действие разветвленного механизма действительной (указательной) референции, заложенного в языке и активно работающего в любом повествовательном тексте» [4, с. 202].

⁷ Подобное противопоставление (Тейлора и искусства) отмечает И.Н. Сухих в статье «О городе солнца, еретиках, энтропии и последней революции (1920. «Мы» Е. Замятина)» [12, с. 98].

го Государства связывают с появлением 'ЧАСОВОЙ СКРИЖАЛИ', и именно от создания 'ЧАСОВОЙ СКРИЖАЛИ'⁸ ведется летоисчисление. 'ЧАСОВАЯ СКРИЖАЛЬ'⁹ регулирует жизнь нумеров полностью: режим сна, время приема пищи, работы и отдыха. Личные же часы включают в себя секс в талонный день, самообразование, посещение музея – Древнего Дома, создание произведений искусства (имеется в виду искусство, признанное таковым правительством Единого Государства, например, марш для ежедневной прогулки или ода во славу Благодетеля): *Но самым невероятным мне всегда казалось именно это: как тогдашняя – пусть даже зачаточная – государственная власть могла допустить, что люди жили без всякого подобия нашей Скрижали...* (Замятин Е.И. Мы). Пишущий конспекты Строитель «Интеграла» Д-503 сравнивает 'ЧАСОВУЮ СКРИЖАЛЬ' с «Расписанием железных дорог» древних людей, находя значительные преимущества первой, воспринимаемой в качестве достижения эволюции. В признании и высокой оценке «Расписанием железных дорог» лишний раз обнаруживается главное в характеристике романа «Мы»: его модусная основа. Модус/диктум Ш. Балли заключается не в грамматическом значении, а в семантическом с использованием тонкой градации [15, с. 44].

2. Эта градация требует перехода к диалектическому концепту, включающему два компонента в их сочинительной связи, – 'НАУКА И ИСКУСТВО'. Концепт 'НАУКА И ИСКУСТВО' можно считать одним из процессуальных концептов (С.Г. Ильенко). Рассмотрение не только статических, но и процессуальных концептов существенно продвинуло теорию концептологии. Приведем два убедительных высказывания. П. Хардер: «...наблюдается поворот от статического к

динамическому аспекту языка. Подтверждением этому служит тот факт, что в фокусе внимания оказывается не смысл *per se*, а процесс его формирования» [16, с. 666]. Н.Н. Болдырев: «к грамматическим схемам интерпретаций знаний о мире относятся грамматические и лексико-грамматические категории частей речи, синтаксические категории и синтаксические модели предложения, коммуникативные типы высказывания и грамматические средства коммуникативного членения, предикативные категории, артикли и т. д.» [17, с. 37]. Поучительно включение в интерпретацию знаний о мире самых различных грамматико-лексических, собственно-синтаксических и коммуникативных (с актуальным членением) предложений.

Нумерам Единого Государства были известны разновидности искусства, естественно, в самом примитивном их понимании, без внимания к основе подлинного искусства – 'ТВОРЧЕСКОМУ' его началу. И вдруг... Первый Строитель «Интеграла» Д-503 «мечтает формулами», да еще и «закрывши глаза», и по-своему, но реагирует на музыку А.Н. Скрябина. Еще раз повторим – Д-503 мечтает. Это весьма распространенное в русской поэзии, особенно у В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, слово оказалось в своем дискурсионном значении многогранным и многообещающим, напомним В.А. Жуковского: *Как часто о часах минувших я мечтаю...* (Жуковский В.А. К Филалету.¹⁰). Склонен к Мечте с большой буквы был и А.С. Пушкин, имя которого прозвучало в романе.

3. Обращенность в романе Е.И. Замятина к концепту 'ПУШКИН' невольно выводит к «Русскому ассоциативному словарю» 1996 г. (Кн. 3). На слово-стимул 'ПУШКИН' последовали вот такие реакции: «поэт 26; Лермонтов 11; стихи 5; А.С., гений 4; Александр, Онегин, писатель 3; Александр Сергеевич, бакенбарды, великий, книга 2; 19 век, Ахматова, в руке его всегда словарь лежал, в Царском Селе, великий поэт, великий русский поэт, веселый, всадник, глаза, Годунов, дуэль, Евтушенко, живой, К Керн, красота, кучерявый, Медный всадник, мой, Мусин, Мцыри, на юге, памятник, писал, прекрасно, природа, пушка, с нами, сказка, стихотворец, талант, терпеть не могу, убит, царь Салтан, я что ли

⁸ Этот факт может служить одним из признаков признания Единого Государства в качестве нового Бога взамен старого Бога – Иисуса Христа [13, с. 84].

⁹ Интересен тот факт, что одна из книг, принадлежащих по своему содержанию к оккультным наукам, имела название «Изумрудная Скрижаль». Эта книга была найдена в библиотеке И. Ньютона. Как пишет В.В. Иванов, «в этой книге содержится много того, что потом И. Ньютон, а также Г.Ф. Лейбниц и другие переложили на язык современного математического анализа» [14, с. 87].

¹⁰ URL: <https://ru-poem.ru/zhukovskij/gde-ty-dalekij.aspx>.

1» [18, с. 145]. Наши соотечественники связывают имя 'ПУШКИНА', прежде всего, с гениальным русским поэтом, создателем впечатляющих произведений поэзии и драмы, вспоминают факты его незаурядной биографии. По существу, чисто внешний оригинальный образ гениального поэта России соединяют с судьбой поэта в жизни и искусстве в целом. В романе Е.И. Замятина двойственность концепта 'ПУШКИН' проявляется в различии отношения автора – Е.И. Замятина и автора-повествователя. Если для самого писателя 'ПУШКИН' – великий русский поэт, то для Д-503 – лишь пример чего-то очень древнего для него, безразличного («кажется»), если не сказать смешного: *С полочки на стене прямо в лицо мне чуть приметно улыбалась курносая асимметрическая физиономия¹¹ какого-то из древних поэтов (кажется, Пушкина)* (Замятин Е.И. Мы). О подчеркнуто равнодушном отношении Д-503 свидетельствует вводное слово «кажется». Такое отношение обусловлено Единым Государством, пропагандирующим бесполезность 'ИСКУССТВА'. С.С. Хойсингтон одна из первых (и это главное) писала о роли А.С. Пушкина в семантической составляющей романа «Мы». Она определяет это присутствие как мифологическое. По мнению С.С. Хойсингтон, это присутствие воплощается образами поэта R-13 и революционерки I-330: «вместе они являют собой высочайший синтез поэта, пророка и духовного революционера» [19, с. 19]. Автор особо подчеркивает схожесть судьбы государственного поэта R-13, вынужденного работать по заказу правительства и под строгой цензурой¹² с

¹¹ Известно, что художники отмечали действительную асимметрию во внешности А.С. Пушкина в расположении глаз (один чуть ниже другого). Однако курносый А.С. Пушкин никогда не был. Поэт предпочитал свое изображение в профиль: *Зачем твой дивный карандаш / Рисует мой арапский профиль? / Хоть ты векам его предашь, / Его освищет Мефистофель* (Пушкин А.С. TO DAWE, ESQ // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 3. С. 58).

¹² Как отмечает С. Белковский, говоря о схожести судеб В.С. Высоцкого и А.С. Пушкина: «У каждого поэта свой памятник. У Пушкина – с высоты спокойного ожидания смерти, как утренней разностицы молока. У Высоцкого – из глубины мучительного ее ожидания, марева наркотической агонии» [20, с. 19]. Трагическую судьбу русских поэтов А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского, С.А. Есенина, Н.С. Гумилева

судьбой А.С. Пушкина. С.С. Хойсингтон останавливается на внешности R-13: большие выступающие губы (в качестве, по существу, единственной внешней особенности), являющиеся для С.С. Хойсингтон «опознавательным лейтмотивом» мифологической связи двух поэтов [19, с. 15]. При самой положительной оценке этой работы, нельзя не увидеть в ней ряд существенных недоговоренностей. Прежде всего, это суждения о своем портрете самого А.С. Пушкина, начиная с лицейского периода. В лицейские годы написано стихотворение «Мой портрет»¹³, дающее описание собственной внешности с таким характерным для поэта дополнением, как внутренние черты личности, его характер и привычки. Написано оно по-французски и начинается так: *Vous me demandez mon portrait, / Mais peint d'après nature...* В переводе с французского: *Вы просите у меня мой портрет, / Но списанный с натуры...* Описывая внешность, поэт обращает внимание на свой рост, лицо и волосы: *Ma taille à celles des plus longs / Ne peut être égalée; / J'ai le teint frais, les cheveux blonds / Et la tête bouclée*, в переводе с французского: *По росту я с самыми долговязыми / Вряд ли могу ровняться; / У меня свежий цвет лица, русые волосы / И кудрявая голова.* Показательно, что на губы поэт внимания не обращает. Оканчивается стихотворение общей характе-

отмечал сам Е.И. Замятин в одной из лекций по русской литературе, с которыми писатель выступал перед читателями в европейских странах в 1930-х гг. [21]. Перенимая судьбу великого поэта А.С. Пушкина, R-13 «оказывается в драматическом положении художника в тоталитарном обществе» [22, с. 20]. Его внутренней трагедией является «трагедия понимания»: «R-13, презирающий свое служение Единому Государству, все же ищет объяснение существованию тоталитаризма и искусства, его обслуживающего» [22, с. 21].

¹³ «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1939. Т. 3, главная редакция Б.М. Волина и профессора Д.Н. Ушакова) дает следующее толкование слова «портрет»: «ПОРТРЕТ, портрета, м. (фр. portrait). 1. Картина, рисунок или фотография с изображением лица, фигуры какого-н. человека. Расстались мы, но твой портрет я на груди своей храню. Лермонтов. Поясный портрет. Портреты работы художника Серова. Портрет масляными красками. || перен. Полное подобие кого-н. (разг.). Он портрет своего отца. 2. перен. Изображение, характеристика. Намарал я свой портрет, как Байрон, гордости поэт. Пушкин. 3. Описание внешности персонажа в литературном произведении (лит.). Искусство портрета у Гоголя» [23, с. 611-612].

ристикой (внешней и внутренней): *Vrai démon pour l'espièglerie, / Vrai singe par sa mine, / Beaucoup et trop d'étourderie. / Ma foi, voilà Pouchkine*, в переводе с французского: *Суций бес в проказах, / Суцая обезьяна лицом, / Много, слишком много ветренности – / Вот каков Пушкин* (Пушкин А.С. Mon portrait.¹⁴). (В скобках заметим, что Е.И. Замятин дает своему главному персонажу – Д-503 – «обезьяньи» руки, возможно, как бы намекая на его писательский дар).

4. Рассмотрение художественного текста в дискурсионном аспекте предполагает использование в качестве единиц анализа не столько высказывание, сколько более масштабные единицы, обладающие объективно-субъективной оперативной совокупностью высказываний, связанных функционально и модусно-диктумной характеристикой, обладающей широкой вариативностью композиционно-синтаксической организации. С точки зрения рассмотрения художественного произведения целесообразно выделять понятие **эпизода**, имеющего свою структуру, связанную с количеством участников, принадлежностью их к главной или второстепенной роли. Опишем два эпизода с участием поэта R-13. Первый. Описание трех персонажей: повествователя Д-503, влюбленной в него О-90 («сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы») и поэта R-13. Эпизод связан с эвиденциальностью (обнаружением источников информации) двух номеров (Д-503 и R-13) и случившейся здесь О-90. Диалог начинается поэт, увидев стоявшего у Бюро Хранителей Д-503. R-13 начал с обращения: – *Эй, математик, замечтался!* (Замятин Е.И. Мы). От неожиданности Д-503 вздрогнул, и что же он обнаружил: *На меня – черные, лакированные смехом глаза, толстые, негрские губы. Поэт R-13, старый приятель, и с ним розовая О* (Замятин Е.И. Мы). Дальнейший диалог (диалогема – С.Г. Ильенко) со словами персонажа, сопровождающийся авторской ремаркой, передадим полностью:

– *Не замечтался, а уж если угодно – залюбовался, – довольно резко сказал я.*

– *Ну да, ну да! Вам бы, милейший, не математиком быть, а поэтом, поэтом, да!*

¹⁴ Пушкин А.С. Mon portrait // Пушкин А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах, стихотворения. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 217-218, 441-442.

Ей-ей, переходите к нам – в поэты, а? Ну, хотите – мигом устройю, а?

R-13 говорит захлебываясь, слова из него так и хлещут, из толстых губ – брызги; каждое «п» – фонтан, «поэты» – фонтан.

– *Я служил и буду служить знанию, – нахмурился я: шутка я не люблю и не понимаю, а у R-13 есть дурная привычка шутить.*

– *Ну что там: знание! Знание ваше это самое – трусость. Да уж чего там: верно. Просто вы хотите стенкой обгородить бесконечное, а за стенку-то и боитесь заглянуть. Да! Выгляните – и глаза зажмурите. Да!*

– *Стены – это основа всякого человеческого... – начал я.*

R – *брызнул фонтаном, О – розово, кругло смеялась. Я махнул рукой: смейтесь, все равно* (Замятин Е.И. Мы). Характеризуя эту диалогему, обратим внимание на индивидуальную речь каждого говорящего. Для Д-503 – строгость литературной нормы собственно прямой речи и резкая характеристика слов ее сопровождающих: «*Стены – это основа всякого человеческого... – начал я*». Совсем по-другому представлены реплики поэта R-13: эллиптические предложения, обращения («*математик*», «*милейший*»), частицы («*ну да*», «*да уж*», «*ну*», «*да*»), междометия («*ей-ей*», «*ну*», «*а*»), которое часто заканчивает предложение). Обращает на себя внимание и концовка эпизода отсутствием коварной цифры: R вместо R-13, O вместо O-90 и «я» – выступающее как бы в противовес «мы». Характерны и предикаты: поэт «*брызнул*», розовая O «*розово, кругло смеялась*», «я» «*махнул рукой*».

В качестве второго эпизода рассмотрим Запись 6. Она представляет собой завершенность, поскольку это единственный конспект, подчеркивающий свою завершенность названием: *Случай. Проклятое «ясно». 24 часа* (Замятин Е.И. Мы). Эту часть повествования Д-503 можно считать началом новеллы, включенной в повествование «Мы». Новелла посвящена обретению у номера души. Процессу физически, психологически и коммуникативно наитруднейшему¹⁵. Что касает-

¹⁵ Интересно отметить, что у А.С. Пушкина жизнь души поэта связана с творчеством, без него она спит: *Молчит его святая лира; / Душа вкушает хладный сон,*

ся концептуального выражения этого процесса обретения души, то он может быть представлен ключевыми словами: от «ясно» – «Единое Государство» – «шторы» – «Бюро Хранителей» до «Древний Дом» – «хаос» – «сновидения» – «любовь» – «МЕФИ». В качестве иллюстрации может послужить диалогема двух основных персонажей: Д-503 и I-330. Самое существенное в ней представлено лексемой «ясно», которая употребляется в речевых актах¹⁶: дифференцировано психологически и семантически у Первого Строителя «Интеграла» и последовательно иронически у I-330. Приведем пассаж из использованных названных речевых актов:

– *Послушайте, вы, ясно, хотите оригинальничать, но неужели вы...*

– *Ясно, – перебила I, – быть оригинальным – это значит как-то выделиться среди других. Следовательно, быть оригинальным – это нарушить равенство... И то, что на идиотском языке древних называлось «быть банальным», у нас значит: только исполнять свой долг. Потому что...*

– *Да, да, да! Именно. – Я не выдержал. – И вам нечего, нечего...*

Она подошла к статуе курносого поэта и, завесив шторой дикий огонь глаз, там, внутри, за своими окнами, сказала на этот раз, кажется, совершенно серьезно (может быть, чтобы смягчить меня), сказала очень разумную вещь:

– *Не находите ли вы удивительным, что когда-то люди терпели вот таких вот? И не только терпели – поклонялись им. Какой рабский дух! Не правда ли?*

/ И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он. / Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепнется, / Как пробудившийся орел (Пушкин А.С. Поэт // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 3. С. 21).

¹⁶ Как пишет А. Вежбица: «...различные так называемые речевые акты типа сообщения, просьбы, совета, обещания, предостережения и т. д. по определению включают различные намерения и предположения; наблюдая извне речевой акт любого рода, мы можем назвать или не назвать его сообщением, просьбой или советом и т. д. в зависимости от двух факторов: (1) что было сказано и (2) считаем ли мы, что намерения и/или предположения, выражаемые словами или интонацией того, что говорится, действительно могут быть предписаны говорящему» [24, с. 255].

– *Ясно... То есть я хотел... (это проклятое «ясно»!).*

– *Ну да, я понимаю. Но ведь, в сущности, это были владыки посильнее их коронованных. Отчего они не изолировали, не истребили их? У нас...*

– *Да, у нас... – начал я. И вдруг она рассмеялась* (Замятин Е.И. Мы).

Господствующее «ясно» делается ядром этой диалогемы. При этом представленным достаточно полным эпизодом, окрашенным неоконченным высказыванием, презентированным союзом «потому что». Характерна и ответная реакция Д-503, презентированная только служебными словами: неполным предложением «ничего, ничего», частицей «именно» и трижды повторенным «да, да, да»¹⁷. По существу оппонентом Д-503 выступает сам автор, уходя в тень номера I-330, но делая это с тонкой иронией (имеется в виду соотношение «гений»–«толпа»)¹⁸. Здесь напрашивается сравнение художественного творчества в Едином Государстве с догматическим влиянием марксизма на советскую культуру. Сам Е.И. Замятин в статье «Я боюсь» подчеркивал, что в отличие от экономики, народного образования, политики и торговли в искусстве, и, в частности, в литературе, «марксистской линии нет и быть не может», «потому что художественное творчество стандартизировать нельзя» [26, с. 22].

Но, как говорилось, следует рассматривать концепт 'ПУШКИН' в тексте романа в более широком смысле как одно из проявлений концептов 'ИСКУССТВО' и 'ТВОРЧЕСТВО': роль искусства в социуме, связь искусства и истории, воплощение в искусстве нравственных идеалов: в первую очередь любви и свободы духа. В этой связи вспоми-

¹⁷ Л.Р. Шевлякова отмечает особенности ритма романа Е.И. Замятина: «лексический повтор оказывает непосредственное влияние на количественные показатели синтагменного ритма. Увеличение повторяющихся элементов способствует росту числа малых колонов. <...> синтаксические приметы устности, способствуя членению речевого потока на минимальные синтагмы, закрепляют на письме ритмические особенности разговорной речи» [25, с. 13].

¹⁸ Ср. противопоставление «поэт»–«толпа» у А.С. Пушкина: *Он пел – а хладный и надменный / Кругом народ непосвященный / Ему бессмысленно внимал* (Пушкин А.С. Поэт и толпа // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 3. С. 85).

наются слова поэта и номера R-13 об одном осужденном, для которого он поэтизировал приговор для дальнейшей его декламации перед казнью: *Один идиот, из наших же поэтов... Два года сидел рядом, как будто ничего. И вдруг – на тебе: «Я, говорит, – гений, гений – выше закона». И такое наляпал... Ну да что... Эх!* (Замятин Е.И. Мы). Характерно, что поэт использует в качестве бранного «идиот», иронически «гений», пренебрежительно просторечное «наляпал», чем подчеркивается отношение номеров к происшествиям такого рода. По мнению М.А. Хатямовой, Е.И. Замятин в романе «Мы» выразил разные тупики в развитии искусства своего времени: «и соцреализм, и авангард, направленные на переделку мира и человека, на проектирование будущего», они обесценивают личность [5, с. 140]. Если попытаться продолжить убедительное высказывание М.А. Хатямовой, то следует, прежде всего, иметь в виду постоянное внимание Е.И. Замятина к гносеологической оценке индивидуальной личности, к вопросам антропоцентризма в современном его понимании. «Переделка мира и человека» – это ведь не только самый популярный советский лозунг, не только Беломорканал, суть которого не распознал даже М. Горький. Существует проектирование не только в отрицательном, но и допустимом, а на современном этапе необходимом (эпистематическом) уровне, чем нельзя не только пренебрегать, но следует идейно-прагматически заниматься. Только при этом вслед за А.С. Пушкиным мы сможем воскликнуть: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (Пушкин А.С. Вакхическая песня («Что смолкнул веселия глас?...»¹⁹).

Подведем итоги нашего исследования.

Роман Е.И. Замятина «Мы» становится своеобразной семиотической структурой. Автор романа «Мы» предстает в двух ипостасях: «Мы» (с заглавной буквы) писателя Е.И. Замятина и «мы» (с маленькой буквы) номера Д-503. Замятинское «Мы» особо отмечает объединение науки и «ИСКУССТВА» за счет «ТВОРЧЕСКОГО» начала, присущего тому и другому как неумной потребности гносеологической природы человека. Представленный нами лингвистический анализ, прежде всего, в аспекте коммуникативно-

структурного синтаксиса, является еще одним существенным доказательством идеи Е.И. Замятина о возможной катастрофе человеческой цивилизации и веры, однако, в окончательную победу космического духа «Мы».

Список литературы

1. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Статья первая. Пушкин – Грибоедов – Гоголь – Лермонтов // Григорьев А.А. Апология почвенничества / сост. и комм. А.В. Белова. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008.
2. Парамонов Б.М. Пушкин – наше ничто // Звезда. 1999. № 6.
3. Чернейко Ю.Д. Гештальтная структура абстрактного имени // НДВШ – филологические науки. 1995. № 4. С. 73-83.
4. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
5. Хатямова М.А. «Мы» Е.И. Замятина как метароман // Культура и текст. 2005. № 9. С. 136-144.
6. Лёфевр Ф. Один час с Замятиным, кораблестроителем, прозаиком и драматургом // Замятин Е.И. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999. С. 257-262.
7. Шпак В.Г. Синтетизм в системе художественного мышления Е.И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 196 с.
8. Крон А. Заметки писателя // Литературная Москва. М., 1956. Т. 2. С. 780-790.
9. Куртис Дж. Исследования романа «Мы» за рубежом // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. С. 535-563.
10. Фигуровский Н.Н. К вопросу о жанровых особенностях романа Е.И. Замятина «Мы» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 2. С. 18-25.
11. Абдусамедов А.И., Алейник Р.М., Алиева Б.А. и др. Атеистический словарь / под общ. ред. М.П. Новикова. М.: Политиздат, 1986. 512 с.
12. Сухих И.Н. О городе солнца, еретиках, энтропии и последней революции (1920. «Мы» Е. Замятина) // Двадцать книг 20 века: Эссе. СПб.: Паритет, 2004. С. 70-98.
13. Борода Е.В. Проза Е.И. Замятина: поэтика конфликта в замкнутом пространстве: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.

¹⁹ URL: <http://ilibrary.ru/text/562/p.1/index.html>.

14. *Иванов В.В.* Актовые лекции в Международном университете в Москве. М.: Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2014. 100 с.
15. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
16. *Хардер П.* Язык, языки и языковое взаимодействие: к вопросу об объекте (объектах) лингвистического описания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 666-684.
17. *Болдырев Н.Н.* Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 34-39.
18. *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 2. М.: ИРЯ РАН, 1996. 212 с.
19. *Хойсингтон С.С.* Присутствие Пушкина в романе Замятина «Мы» // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1999. Вып. 2. С. 14-22.
20. *Белковский С.* Высоцкий и Пушкин // Новая газета. 2018. 26 янв.
21. *Замятин Е.И.* Пушкин // Замятин Е.И. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Беседы еретика. М.: «Дмитрий Сечин»; «Республика», 2010.
22. *Хатямова М.А.* Искусство как должное в романе Е. Замятина «Мы» // Русская литература в 20 веке: имена, проблемы, культурный диалог: сб. ст. Томск: Нац. исслед. Томск. гос. ун-т, 2006. С. 7-26.
23. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. Т. 3. 1424 с.
24. *Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251-275.
25. *Шевлякова Л.Р.* Ритм орнаментальной прозы (на материале произведений Е.И. Замятина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2007.
26. *Любимова М.Ю.* Биография Е.И. Замятина: Источники для реконструкции // Евгений Замятин и культура 20 века. Исследования и публикации. СПб.: Изд-во РНБ, 2002. С. 8-36.

Поступила в редакцию 15.03.2018 г.

Отрецензирована 10.04.2018 г.

Принята в печать 11.05.2018 г.

Информация об авторе

Гредель Вероника Павловна, аспирант, кафедра русского языка. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: nikas16@yandex.ru

Для цитирования

Гредель В.П. Концепт 'НАУКА И ИСКУССТВО' в художественно-дискурсионном поле коммуникативно-синтаксической структуры романа Е.И. Замятина «Мы» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 44-53. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53.

**A ‘SCIENCE AND ART’ CONCEPT IN ARTISTIC-DISCURSIVE FIELD
OF COMMUNICATIVE-SYNTACTICAL STRUCTURE
OF E.I. ZAMYATIN’S “WE” NOVEL**

Veronika Pavlovna HREDEL

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moyka River Emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation
E-mail: nikas16@yandex.ru

Abstract. The research, carried out in the aspect of discursive approach to literary text – E.I. Zamyatin’s “We” novel, is dedicated to ‘SCIENCE AND ART’ theme with a purpose to demonstrate into One State some interest in scientific attainments in the absence of interest in art, with its powerful creative energy. An idea of processual significance of ‘ART’ concept in its special form ‘SCIENCE AND ART’ is being evolved. E.I. Zamyatin’s novel is interpreted as unique artistic composition of the author himself and fictional co-author D-503. For the former “We” is a universe, for the latter “we” are numbers of One State. The novel has become a unique semiotic and symbolic structure, which consists of the union of the two creators: the real writer (E.I. Zamyatin) and the narrator D-503 created by him. Mental and communicative connection is constructed between the real and the fictional author throughout the novel. The problem of internal connection between the author and the narrator (D-503) correlates with the text modus according to famous Swiss philologist Ch. Bally. Zamyatin’s “We” marks specifically the integration of science and ‘ART’ due to ‘CREATIVE’ quality which is inherent by both of them as a persistent need of human’s gnoseological nature.

Keywords: E.I. Zamyatin; concept; ‘SCIENCE AND ART’; ‘TABLE OF HOURS’; ‘PUSHKIN’; modus; episode of artwork

References

1. Grigorev A.A. Vzglyad na russkuyu literaturu so smerti Pushkina. Stat'ya pervaya. Pushkin – Griboedov – Gogol – Lermontov [View of Russian Literature since the Death of Pushkin. Article One. Pushkin – Griboedov – Gogol – Lermontov]. In: Grigorev A.A. *Apologiya pochvennichestva*. [The Apology of Pochvennichestvo]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2008. (In Russian).
2. Paramonov B.M. Pushkin – nashe nichto [Pushkin is Our Nothing]. *Zvezda* [Star], 1999, no. 6. (In Russian).
3. Cherneyko Y.D. Geshtal'tnaya struktura abstraktnogo imeni [Gestalt structure of abstract name]. *NDVSH – filologicheskie nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1995, no. 4, pp. 73-83. (In Russian).
4. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic Research (Semantics of Time and Aspect in the Russian Language; Semantics of the Narrative)]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1996, 464 p. (In Russian).
5. Hatyamova M.A. «My» E.I. Zamyatina kak metaroman [“We” by E.I. Zamyatin as metanovel]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2005, no. 9, pp. 136-144. (In Russian).
6. Lefevr F. Odin chas s Zamyatynym, korablestroitelem, prozaikom i dramaturgom [One hour with Zamyatin, shipbuilder, novelist and playwright]. In: Zamyatin E.I. *Ya boyus'! Literaturnaya kritika. Publitsistika. Vospominaniya* [I'm Afraid. Literary Criticism. Publicism. Memories]. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 257-262. (In Russian).
7. Shpak V.G. *Sintetizm v sisteme khudozhestvennogo myshleniya E.I. Zamyatina: dis. kand. filol. nauk* [Synthetism in the System of Artistic Thinking of E.I. Zamyatin: Cand. phil. sci. diss.]. Samara, 2001. (In Russian).
8. Kron A. Zаметки pisatelya [Writer’s notes]. *Literaturnaya Moskva* [Literary Moscow]. Moscow, 1956, vol. 2, pp. 780-790. (In Russian).
9. Curtis J. Issledovaniya romana «My» za rubezhom [Studies on the novel “We” in foreign countries]. *Evgeniy Zamyatin. «My»: Tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana* [Evgeniy Zamyatin. “We”: Text and Materials for the Creative History of the Novel]. St. Petersburg, Publ. House “Mir”, 2011, pp. 535-563. (In Russian).
10. Figurovskiy N.N. K voprosu o zhanrovyykh osobennostyakh romana E.I. Zamyatina «My» [On the question of the iconic features of the novel “We” by E.I. Zamyatin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*, 1996, no. 2, pp. 18-25. (In Russian).

11. Abdusamedov A.I., Aleynik R.M., Alieva B.A. et al. *Ateisticheskiy slovar'* [The Atheist Dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 512 p. (In Russian).
12. Sukhikh I.N. O gorode solntsa, eretikakh, entropii i posledney revolyutsii (1920. «My» E. Zamyatina) [About the City of the Sun, Heretics, Entropy and the Last Revolution (1920. "We" by E. Zamyatin)]. *Dvadsat' knig 20 veka: Esse* [Twenty Books of the 20th Century: Essay]. St. Petersburg, Paritet Publ., 2004, pp. 70-98. (In Russian).
13. Boroda E.V. Proza E.I. Zamyatina: poetika konflikta v zamknutom prostranstve: dis. ... kand. filol. nauk [The Prose of E.I. Zamyatin: the Poetics of Conflict in a Confined Space: Cand. phil. sci. diss.]. Tambov, 2003. (In Russian).
14. Ivanov V.V. *Aktovye leksii v Mezhdunarodnom universitete v Moskve* [Lectures at the International University in Moscow]. Moscow, International University in Moscow Publ., 2014, 100 p. (In Russian).
15. Bally C. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and French Language Issues]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1955, 416 p. (In Russian).
16. Harder P. Yazyk, yazyki i yazykove vzaimodeystvie: k voprosu ob obekte (obektakh) lingvisticheskogo opisaniya [Language, languages and language interrelation – on the object(s) of Linguistics description]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2016, issue 24, pp. 666-684. (In Russian).
17. Boldyrev N.N. Rol' yazyka v strukturirovanii soznaniya [The role of language in structuring cognition]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2015, issue 22, pp. 34-39. (In Russian).
18. Karaulov Y.N., Sorokin Y.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. *Russkiy assotsiativnyy slovar'. Kn. 3. Pryamoy slovar': ot stimula k reaksii. Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka. Ch. 2* [Russian Associative Dictionary. Part 2]. Moscow, Russian Language Institute of the RAS, 1996, 212 p. (In Russian).
19. Hoisington S.S. Prisutstvie Pushkina v romane Zamyatina «My» [The Pushkinian presence in Zamyatin's novel "We"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1999, no. 2, pp. 14-22. (In Russian).
20. Belkovskiy S. Vysotskiy i Pushkin [Vysotsky and Pushkin]. *Novaya gazeta – New Newspaper*, 2018, Jan. 26. (In Russian).
21. Zamyatin E.I. Pushkin [Pushkin]. In: Zamyatin E.I. *Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 4. Besedy eretika* [Complete Works: in 5 vols. Vol. 4. Heretic's Conversations]. Moscow, "Dmitriy Sechin" Publ., "Respublika" Publ., 2010. (In Russian).
22. Hatyamova M.A. Iskusstvo kak dolzhnoe v romane E. Zamyatina «My» [Art is for granted in E. Zamyatin's novel "We"]. *Russkaya literatura v 20 veke: imena, problemy, kul'turnyy dialog* [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, Cultural Dialogue]. Tomsk, National Research Tomsk State University, 2006, pp. 7-26. (In Russian).
23. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1939, vol. 3, 1424 p. (In Russian).
24. Wierzbicka A. Rechevye akty [Speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika*. [New in Foreign Linguistics: Issue 16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 251-275. (In Russian).
25. Shevlyakova L.R. *Ritm ornamental'noy prozy (na materiale proizvedeniy E.I. Zamyatina): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rhythm of Ornamental Prose (on the Material of E.I. Zamyatin's Works). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Almaty, 2007. (In Russian).
26. Lyubimova M.Y. Biografiya E.I. Zamyatina: Istochniki dlya rekonstruktsii [The biography of E.I. Zamyatin: Sources for the reconstruction]. *Evgeniy Zamyatin i kul'tura 20 veka. Issledovaniya i publikatsii* [Evgeniy Zamyatin and Culture of the 20th Century. Research and Publications]. St. Petersburg, Russian National Library Publ., 2002, pp. 8-36. (In Russian).

Received 15 March 2018

Reviewed 10 April 2018

Accepted for press 11 May 2018

Information about the author

Hredel Veronika Pavlovna, Post-Graduate Student, Russian Language Department. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: nikas16@yandex.ru

For citation

Hredel V.P. A "Science and Art" concept in artistic-discursive field of communicative-syntactical structure of E.I. Zamyatin's "We" novel [A "SCIENCE AND ART" concept in artistic-discursive field of communicative-syntactical structure of E.I. Zamyatin's "We" novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 44-53. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-44-53. (In Russian, Abstr. in Engl.).